

Живет в Ростове-на-Дону (Россия).

Живи!

Он умер. И только большая трава
Шумела и пела, свежа и жива.
И правом, ей данным разумным Творцом,
Смыкалась над павшим прощальным венцом.

Он умер. А солнце входило в зенит.
И свет проливало, что землю хранит.
И капало медом в головки цветов,
Решительно сбросив туманный покров.

В цветочных кувшинах купались шмели,
И теплые струи по стеблям текли.
И в знак урожайных грядущих побед
Земля выпивала живительный свет.

Он думал, что умер. Он знал, что ушел.
И было уже где-то там хорошо.
Без страха и боли, без слез, без потерь,
Он верил, что станет свободен теперь.

Но что-то мешало... Возможно, трава,
Кричавшая очень бестактно: "Жива!"
А, может быть, птица с зеленым хвостом,
Что, вдруг, над страдальцем зависла крестом.

Он вспомнил, что любит малину и мед,
Что кто-то в него очень верит и ждет.
И как же теперь без него соловьи...
Высокое небо качнулось: "Живи!"

Декабри...

Снова год завершил свой безжалостный круг,
Фонари за окном режут липкую тьму.
Ну, а сердце в загоне из реберных дуг
Непривычно стучится на волю. К нему...

Но глупей для нее не придумать затей,
Чем о счастье мечтать под пушистой сосной:
Сколько не было в жизни ее декабрей –
Все равно, в январях просыпалось одной.

Декабри, декабри за плечами встают,
Им она потеряла и веру и счет.
И шампанское скисло в изысканный брют,
И без отчества больше никто не зовет.

Ну, а что же теперь ей? Хоть плачь, хоть кричи:
Через столько бездарно растраченных лун
Долгожданной луною в январской ночи –
Монитор, как икона в почетном углу.

Зря накликала кликами эту беду.
Вот и дышит теперь через раз, через раз...
Тот, надёжно забытый в далеком году,
Бьется в память её километрами фраз.

Он вплетается с нею в инетовский сюр,
Где слова через час превращаются в сор,
Где на тысячи умников – тысячи дур,
Где меж дУрней и умниц – отчаянный спор.

И от жалости тАя, безлунная ночь,
Укачает её до встающей зари.
Чтоб приснились, как ей намечтались, точь-в-точь,
Декабри, декабри, декабри, декабри...

Кормилица

Ветхой шалью годы нА плечи,
Дни пудовые – да тоньше волоса.
Ей бы кашу проливать с печи,
Иль под солнцем млет зрелым колосом.

Ей бы пить кефир вдоволь сладенький,
Да чтоб косточки – да на подушечку,
А она в тулупе драном и в валенках
Тащит на базар моркву, зеленушечку.

Руки, рученьки... Вены синие...
А в виски тоска молоточками:
"Ведь была-то я раньше сильною,
Деток рОстила - сына с дочкою.

Дом плескался наш полной чашею,
Мужу я была справной жёнушкой.
Что же стало-то с жизнью нашею?
Да за что ж нас так, да об донышко?

В дальнем годе, в редкий паводок
Муж утоп, а я, бестолковая,
Познавала науку: сколько нАволок*
Может за ночь сгрызть баба вдовая.

А за ним отправился вслед и сЫночка:
В Чёрной Были сгорел яркой свечкою.
И теперь одна у меня кровиночка:
Дочка - досточка поперечная.

Горе горькое, счастье талое...
Дал Господь её в наказание.
Непутёвая, неудалая.
Знала б, будет так, я заранее

От рассвета до поздней ноченьки,
На пороге лежала камешком.
Может быть, посмотрела доченька?
Может быть, пожалела мамушку?

И от первой хмелящей чарочки
Отказалась бы ради матери.
Каждый год по внушку в подарочек,
Стал бы дом самобранкой-скатертью!

Руки, рученьки... Вены синие...
Вены синие... Скулы битые...
Ведь была молодой, красивою,
А теперь, что петлёй обвитая.

Мне бы с мужем пора увидеться,
Да с сыночком на райской лавочке..."
И, вздохнув, побрела, кормилица,
Схоронив рубли под булавочку.

Наволоки - наволочка*

Страницы автора в Сети

[Стихи.Ру](#)

[Самсуд](#)

[Проза.Ру](#)

